

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

(в порядке появления)

---

Галилео Галилей  
Полиссена, потом сестра Мария Челесте  
Сагредо Никколини  
Джeppe Маццолини  
Маджини  
Сицци  
Либри  
Маркиз Федерико Чези  
Фабрициус  
Альдобрандини  
Граф Морозини  
Кардинал Дзаккья  
Кардинал Маффео Барберини,  
потом папа Урбан VIII  
Кардинал Вероспи  
Епископ Виестский  
Архиепископ Неапольский  
Кардинал Беллармино  
Отец Клавий  
Чезаре  
Карло Барберини  
Франческо Барберини  
Мажордом  
Венетти  
Ландини  
Паж

Отец Фиренцуола  
Отец Риккарди  
Монсеньор Чамполи  
Служитель доминиканец  
Первый инквизитор  
Кардинал Борджиа  
Мать-настоятельница  
Кардиналы, пажи, монахи, инквизиторы, писцы.

*Место действия — Италия*  
*Время — 1609—1634 годы*

## ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

1609 год. Мастерская и лаборатория Галилео Галилея во Флоренции. На столах — масляные лампы, инструменты. Галилей шлифует линзу. Шустрый восемнадцатилетний подручный Галилея Джеппе Маццолини прилаживает трубу телескопа к опоре. За ними с пристальным интересом наблюдает Сагрето Никколини, посол Флоренции в Риме и друг Галилея. У Джеппе что-то не ладится, и Сагрето не мешкая приходит к нему на помощь. Полиссена, дочь Галилея, перебирает струны лютни и напевает; это хорошенькая девушка лет восемнадцати-девятнадцати. Галилей — жизнерадостный крепкий мужчина лет сорока пяти с рыжеватыми волосами и такой же бородой. У него быстрые, решительные движения и сверкающие глаза, гибкие и выразительные пальцы. Все выдает в нем стремительную, но и дисциплинированную натуру.

Полиссена (*аккомпанируя себе на лютне*).

Стучит однажды странник к Зите в дом.  
Глотка воды, усталый, жаждет он.  
«Хотелось бы, мой брат, подать вино,  
Увы, у нас не водится оно!»

Она замолкает, как видно, забыв слова. Сагрето, выручая ее, подхватывает.

Полиссена и Сагрето.

Воды простой в колодце набрала  
И, ковш перекрестив, ему дала.

Полиссена (*одна*).

«О боже, — тихо молвила она, —  
Да будет путнику вода сладка».  
Тот удивился с первого глотка:  
«Такого я не пробовал вина».

Галилей. Пошевеливайся, Джеппе! У нас мало времени.

Джеппе. Куда уж быстрее.

Галилей (*не отрываясь от работы, одной рукой берет что-то с тарелки, сует себе в рот*). Теперь ставь на трубу большой хомут.

Джеппе (*ворчит, напуская недовольный вид*). Синьор Галилей, и чего вы изводитесь? И так работаете за троих. День и ночь одно и то же: работа, работа!

Полиссена. Отец, ты и ешь за работой. Это не полезно.

Галилей обнимает дочь, притягивает ее к себе. Она отстраняется, поддразнивая.

Подстриги бороду, колется.

Распрямляя одеревеневшие пальцы, Галилей внимательно следит, как Джеппе и Сагрето устанавливают телескоп на подставку и прикручивают винты.

Джеппе (*продолжает ворчать, не отрываясь от дела*). Разве вы отдыхаете? Нет. Разве вы спите? Нет. (*Завинтив накрепко винты, налегает всей своей тяжестью на подставку.*) Глядите-ка, синьор Галилей, стоит, как скала, не шелохнется!

Сагрето хочет взять со стола стекла.

Галилей (*быстро*). Нет-нет, не трогай!

Сагрето. Ты ведь закончил шлифовку...

Галилей. Да не совсем. Надо еще довести — вот только пройдет эта проклятая судорога. (*Растирает пальцы, снова принимается за шлифовку.*)

Сагрето. Кстати, ты переделал послание в Академию Линчеев?

Галилей. Да, я последовал твоему совету. Полиссена уже переписала его набело. (*Дочери.*) Полиссена, принеси письмо!

Полиссена. Послание президенту Линчеев?

Галилей (*нетерпеливо*). Ну конечно же!

Полиссена встречает вспышку отца со снисходительным добродушием. Приносит письмо.

(*К Сагрето.*) Начало осталось прежним. (*Дочери.*) Читай со второго абзаца.

Полиссена (*читает*). «Теперь я имею честь сообщить вам особое известие. Несколько месяцев назад я услышал о зрительных трубах, каковые сильно приближают отдаленные предметы. С помощью оных можно хорошо разглядеть человека на расстоянии двух миль. Теперь мне удалось изготовить стекло,

много превосходящее известные. Моя зрительная труба сокращает расстояние в десять раз...»

Джеппе (*захлебываясь от восторга*). На площадях, на улице, в каждом доме только и слышишь: «Синьор Галилей и его стекла...», «Синьор Галилей и его волшебный ящик...», «Синьор Галилей и его зрительная труба!» Простым глазом что увидишь? А приставишь к нему Галилееву трубу, и на тебе! — появляется изображение. Не иначе чудо, вот что говорят. А что как святейший отец в Риме причислит вас к лику святых? Вот это да! Святой Галилей!

Сагрето (*кладет руку на телескоп*). Мертвый металл. Пустая свинцовая трубка. Галилей прилаживает к ней линзы — и она оживает. Бог вынул ребро, а Галилей вставил стекло. Будь я еретиком, то сказал бы, что у Галилея получилось лучше... Но я — верный сын нашей матери-церкви и помолчу.

Галилей (*ему приятно все это слышать*). Читай дальше!

Полиссена (*читая послание*). «В настоящее время я работаю над новыми оптическими стеклами, еще более мощными... Моя зрительная труба найдет множество применений. Я буду регулярно писать вам о ходе работы».

Галилей. Концовка та же.

Сагрето. Прекрасно! Мы немедленно отправим это в Академию Линчеев.

Джеппе (*проверяет шарнирное соединение*). Ни на волосок от чертежа не отходит.

Галилей подходит к телескопу, чтобы проверить самому.  
Джеппе устало опускается на скамью.

Галилей (*нетерпеливо*). Что с тобой, Джеппе? Выдохся?

Джеппе. Во мне не три человека — только один.

Галилей. А мне нужно, чтобы оправа была готова сегодня. Я скоро закончу линзу.

Джеппе. На что она вам ночью-то? В темноте все равно ничего не разглядеть.

Галилей (*улыбается каким-то своим мыслям*). Ну ложись, отдохни.

Джеппе (*растягивается было на полу, но тут же привстает*). А какое увеличение у этих новых стекол?

Галилей (*будничным тоном*). Двадцать диаметров.

Джеппе (*пораженный*). Двадцать диаметров? Не может быть! Такие стекла приблизили бы предмет в четыреста раз. Че-ты-ре-ста! Синьор Галилей, вы шутите...

Галилей. Нет, почему же.

Джеппе. Значит, предмет на расстоянии четыреста миль будет выглядеть как будто в миле от нас?

Галилей. Если верны мои расчеты.

Сагрето (*задумчиво*). А то, что находится на расстоянии сорока тысяч миль, окажется всего в сотне миль от нас...

Галилей. Пожалуй.

Джеппе. Сорок тысяч миль! Но на земле нечего смотреть на таком расстоянии! Она же круглая! Колумб доказал это. А Магеллан обогнул землю. (*Одной рукой описывает дугу круга, а другой изображает касательную, уходящую в пространство.*) Сорок тысяч миль по прямой выходит... смотреть в небо? (*Потрясенный.*) В пространство! (*Почти в ужасе.*) Сорок тысяч миль...

Сагрето. Смертный проникает взглядом на сорок тысяч миль... И что ты надеешься увидеть?

Галилей делает лампу поярче и в ее свете внимательно рассматривает линзу. Он дышит на нее, протирает последний раз и начинает вставлять в телескоп.

Галилей. Что я надеюсь увидеть?..

Сагрето. Ты же будешь не просто смотреть в пустоту. Ты будешь смотреть на что-то... на звезды!

Галилей. На звезды.

Сагрето. И ты увидишь их такими, как не видел никто. Они будут ближе и больше.

Галилей. Может быть, мне удастся увидеть и новые звезды.

Джеппе. Полиссена, ты слышишь? Новые звезды!

Полиссена. Еще бы не слышать!

Галилей. Нет, не новые. Они существовали всегда. Просто человеческий глаз не различал их. Когда небо в облаках, мы почти не видим звезд... А в ясную ночь их огромное множество. Моя зри-

тельная труба прорвет эту пелену, и тогда... (Он заканчивает установку линзы, направляет телескоп на небо и прикидывается к окуляру. Изумленно восклицает, откидываясь назад.) Смотрите!

Сагрето смотрит в телескоп. Джеппе и Полиссена, нагнувшись, ждут своей очереди. Галилей медленно поднимает голову и осеняет себя крестным знаменем. Ему приоткрылась гармония небесных сфер.

Действующие лица застывают на месте. Свет гаснет. На сцену выходят трое. Свет зажигается, действующие лица приходят в движение. Вошедшие — это профессор Маджини, главный математик университета в Болонье, Либри, профессор философии Пизанского университета, и профессор Сицци, известный флорентийский астроном и священнослужитель, — он в сутане. Все трое — уважаемые ученые, преподающие в старейших университетах. В споре с Галилеем они оперируют понятиями тогдашней науки.

Маджини. Итак, дорогой Галилей, вы утверждаете, что вокруг Юпитера вращаются четыре луны?

Галилей. Да.

Маджини. То есть вы увеличиваете число планет с семи до одиннадцати.

Галилей. Я не собираюсь ни уменьшать, ни увеличивать число планет. Много ночей подряд я направлял мою зрительную трубу на небо и видел то же самое. Как вокруг нашей земли вращается одна луна, так вокруг Юпитера четыре. Сегодня ночью я хочу, чтобы вы сами увидели их через мою трубу.

Сицци. Аристотель учит: существует только семь планет.

Галилей. Аристотель жил две тысячи лет назад. Он знал много... но не все. Он мог заблуждаться.

Либри (с благоговейным ужасом). Заблуждаться? Аристотель?

Маджини. Вы отрицаете великую мудрость Аристотеля?

Галилей. Утверждать, будто две тысячи лет назад один человек мог объять необъятное, — значит отрицать будущее человечества. Как можно ставить пределы человеческому познанию? Кто осмелится предположить, что мы узнали о мире все, что можно узнать?

Сицци. Но на небе только семь планет! Так говорит Аристотель. Я покажу вам соответствующее

место у него. (*Берет у Либри большую книгу, которую тот принес с собой, листает ее.*)

Маджини (*глядя в книгу из-за спины Сицци*). Смотрите!

Либри (*глядя в книгу из-за спины Сицци и Маджини*). Смотрите!

С торжествующим видом они держат перед Галилеем раскрытую книгу.

Галилей (*не взглянув, закрывает книгу*). А что вы скажете, когда увидите одиннадцать планет? Увидите собственными глазами?

Маджини. Я не поверю своим глазам. Это противоречит принципам здравого смысла.

Сицци. Мне вообще нет необходимости смотреть. Планет — семь! Семь! Не больше и не меньше! Так сказал Аристотель.

Галилей. Если бы в Аристотелевых книгах заключалась вся премудрость, то вы, господа, были бы величайшими умами на свете. Каждую цитату назубок знаете.

Маджини (*терпеливо*). Галилей, весь мир зиждется на числе семь.

Либри. Семь — священное число.

Галилей. Для математика всякое число священно... и одно не более священно, чем любое другое.

Маджини. И природа, и Писание свидетельствуют: священно именно число семь. Вспомните! Семь земных металлов. Семь золотых светильников в Откровении Иоанна Богослова. Семь интервалов в музыкальной октаве.

Сицци. Семь церквей Азии. Семь...

Галилей (*насмешливо*). Семь смертных грехов.

Сицци (*сердито смотрит на него*). Семь покаянных псалмов.

Маджини. И семь дней недели, названных по числу планет. Стоит увеличить число планет, и вся система рухнет. Неужто будем иметь одиннадцать дней на неделе? Смешно подумать.

Сицци. А сколько окон в голове? Тоже семь! Две ноздри, два глаза, два уха и рот. Так же и на небе. Две благоприятные планеты, две вредоносные, два светила и Меркурий — межеумочный и безразличный.



Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения  
невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ

Эту книгу вы можете прочитать  
в Оренбургской областной универсальной  
научной библиотеке им. Н. К. Крупской  
по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20  
тел. для справок: (3532) 77-08-50

